

Борис Хавкин

Немецкое Сопротивление и Граф Шуленбург

Движение Сопротивления – это, прежде всего, проявление активного неприятия агрессивного, террористического, авторитарного или тоталитарного режима, навязывающего обществу и государству идеологию расовой или классовой исключительности, режима, попирающего демократические права и свободы и создающего военную угрозу миру. Сопротивление – это борьба населения оккупированных территорий против иностранной агрессии; это открытое или тайное, личное или групповое морально-этическое, религиозное, идеологическое, экономическое, политическое, военное противодействие правящей системе, которая воспринимается участниками Сопротивления как преступная. Участие в Сопротивлении – поступок высоко нравственный, но рассматриваемый политическим режимом, против которого направлено Сопротивление, как государственное преступление.

Разумеется, в Германии и России – странах, переживших в XX веке самые страшные в своей истории диктатуры – нацизм и сталинизм – преодоление прошлого шло и идет по-разному. Однако исторический опыт Сопротивления в обеих странах имеет много общего: советская коммунистическая и германская национал-социалистическая модели тоталитаризма, при всех их различиях, были тесно связаны между собой. Так что история антинацистского Сопротивления в Германии актуальна для России: в ней отражаются острые проблемы не только германского, но и российского восприятия прошлого.

Заговор немцев против Гитлера был явлением крупномасштабным. В нем участвовали люди разных политических и религиозных убеждений, чиновники, военные, промышленники и ученые. Они хотели уничтожить преступный нацистский режим и его вождей, чтобы восстановить правовые нормы и свободу.

Движение Сопротивления нацистской диктатуре никогда не было единым, сильным и массовым. Но оно было намного больше, активнее, разнообразнее, чем считалось ранее. В нем участвовали коммунисты, социал-демократы, либералы, консерваторы, пацифисты, религиозные деятели, евреи и т.д. Но это всегда было Сопротивление меньшинств. По образному определению немецкого историка Ганса Моммзена, это было «сопротивление без народа»¹.

При всем уважении к Сопротивлению меньшинств, реальное военно-политическое значение (а Гитлера с конца 30-х годов можно было свергнуть только во-

¹ Моммзен Г. Оппозиция Гитлеру и немецкое общество в 1933-1945 гг. // Вторая мировая война: Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. М., 1997. С. 263-276.

енными средствами) имело лишь Соппротивление германских военных, связанных с консервативной политической оппозицией, к которой принадлежал и граф Фридрих Вернер фон дер Шуленбург (1875-1944).

В конце 30-х - начале 40-х гг. в Германии сложились основные звенья оппозиции Гитлеру:

- военная группа во главе с генерал-фельдмаршалом Эрвином фон Вицлебе-ном и генерал-полковником Людвигом Беком;
- группа в руководстве военной разведки (абвера) во главе с начальником штаба абвера Гансом Остером;
- группа консервативных политиков во главе с Карлом Фридрихом Гёрделером²;
- группа дипломатов во главе с Ульрихом фон Хасселем;
- группа молодых аристократов во главе с графом Гельмутом фон Мольтке и графом Петером Йорком фон Вартенбургом («Кружок Крейсау»);
- другие объединения немецкого Соппротивления.

Фридрих Вернер фон дер Шуленбург был связан как с фрондой дипломатов, так и (через своего племянника Фрица Дитлофа фон дер Шуленбурга – заместителя начальника берлинской полиции) с «Кружком Крейсау» – интеллектуальным центром оппозиции, который в известной мере противостоял прозападной ориентации Гёрделера.

Заговорщики собирались устранить Гитлера до военного поражения Германии. «Мы должны будем уничтожить Гитлера, прежде чем он окончательно погубит Германию», – эти слова Шуленбург произнес в июне 1943 г.³ Тем самым, пытаясь спасти свою страну от разгрома, заговорщики де-факто подрывали фундамент Антигитлеровской коалиции. Вынужденный союз западных демократий со Сталиным был основан на наличии общего врага – Гитлера. Не случайно направленная против Третьего рейха и его сателлитов коалиция СССР, Великобритании, США и других государств называлась не антигерманской и даже не антифашистской, а Антигитлеровской. До полной и окончательной Победы для сохранения единства Союзников Гитлер как символ нацистской Германии был нужен Сталину живым. Бывший глава разведывательно-диверсионного управления НКВД-НКГБ СССР генерал-лейтенант П.А. Судоплатов отмечал: «В 1943 году Сталин отказался от своего первоначального плана покушения на Гитлера, потому что боялся: как только Гитлер будет устранен, нацистские круги и военные попыта-

² Карл Фридрих Гёрделер – обер-бургомистр Лейпцига с 1930 по 1937 гг. В 1934-1935 гг. был рейхскомиссаром по ценам в правительстве Гитлера. В 1935 г. ушел в отставку из-за серьезных разногласий с нацистами. С конца 1930-х годов находился в центре гражданской антигитлеровской оппозиции гитлеризму. В многочисленных его записках и проектах разрабатывались планы переустройства политической жизни Германии после государственного переворота. После свержения Гитлера Гёрделер был готов занять пост рейхсканцлера. После провала покушения на Гитлера 20 июля 1944 г. Гёрделер был арестован. 8 сентября 1944 г. он был приговорен народным трибуналом к смерти. Гёрделер был казнен 2 февраля 1945 г.

³ Столыпин А.П. На службе России. Франкфурт-на-Майне, 1986. С. 109.

ются заключить сепаратный мирный договор с союзниками без участия Советского Союза»⁴.

Однако после нападения Германии на СССР военные задачи СССР, Великобритании и США, с одной стороны, и немецкого антигитлеровского Сопротивления, с другой – во многом совпадали. Немецкие антинацисты были частью европейского движения Сопротивления. Заговор немцев против Гитлера объективно способствовал победе Антигитлеровской коалиции.

Этого очевидного факта долго не хотели признавать советские историки⁵: сохранялись стереотипные оценки событий 20 июля 1944 г. как «результата деятельности западных спецслужб», «оппозиции сплошной реакции» и «попытки спасти германский империализм от полного и поражения», «милитаристского заговора не только против СССР, но и против немецкого народа»⁶.

Тем не менее, объективный взгляд на проблему немецкого антинацистского Сопротивления в российской историографии пробивает себе дорогу⁷. События 20 июля 1944 г. в России все чаще рассматриваются как часть европейского антифашистского Сопротивления. Историки подчеркивают, что «особенно сложной

⁴ Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930-1950 годы. М., 1997. С. 173. См. так же: Безыменский Л.А. Разгаданные загадки Третьего рейха (1940-1945). Смоленск, 2001. С. 303.

⁵ См. об этом: Finkler K. Die Stellung der Sowjetunion und der sowjetischen Geschichtsschreibung zum 20. Juli 1944 // Der 20. Juli 1944: Bewertung und Rezeption des deutschen Widerstandes gegen das NS-Regime. Köln, 1994. P. 38-54.

⁶ Бродский Е.А. Заговор 20 июля и социально-политический характер гёрделевской оппозиции. Дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 1949; Майский И.М. К возрождению германского милитаризма // Вопросы истории. 1955. № 5; Деборин Г.А. Вторая мировая война: Военно-политический очерк. М., 1958. С. 290; Коваль В.С. Правда о заговоре против Гитлера 20 июля 1944 г. Киев, 1961. С. 26, 65, 77, 88.

«Провал "заговора 20 июля" означал крушение далеко идущих планов англо-американской реакции, а также определенной части германской монополистической буржуазии и генералитета. Их попытка помешать военному и политическому разгрому германского фашизма потерпела крах» (Розанов Г.Л. Конец «третьего рейха». М., 1990. С. 70).

Первую попытку научного, реалистичного и объективного подхода к истории событий 20 июля 1944 г. предпринял в годы хрущевской «оттепели» советский историк Д.Е. Мельников. Ученый исходил из тезиса о том, что движение 20 июля было «сложным политическим комплексом», что установки графа К. фон Штауффенберга и его единомышленников «отличались значительным реализмом и пониманием подлинных интересов Германии». Мельников отмечал, что заговор 20 июля 1944 г. был «не просто делом рук "кучки офицеров", не просто "генеральским путчем", а попыткой определенной части германской буржуазии найти выход из проигранной войны». Военные и хозяйственные круги «третьего рейха», подчеркивал историк, были охвачены двойным страхом – «перед неминуемой военной катастрофой и назревающим внутренним крахом гитлеровского режима» (Мельников Д.Е. Заговор 20 июля 1944 г. в Германии: Легенда и действительность. М., 1962. С. 4, 56, 200, 235).

Важную роль не классовых интересов, а общечеловеческих моральных факторов в немецком антигитлеровском Сопротивлении убедительно показал историограф Н.С. Черкасов. Он исходил из того, что «среди участников заговора против Гитлера, в буржуазных и военных кругах, было много людей, искренне возмущавшихся преступлениями фашизма и потому вступивших с ними в борьбу» (Черкасов Н.С. Историография ФРГ о патриотическом направлении в заговоре 20 июля 1944 г. в Германии // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 5. Томск, 1967. С. 137, 145).

⁷ Chavkin B. Der deutsche Widerstand gegen Hitler aus Sicht der russischen Historiographie // Forum für osteuropäische Ideen und Zeitgeschichte. 2008. № 2.

для участников Сопrotивления была обстановка в нацистской Германии», что «участники внутригерманского Сопrotивления оказались перед драматической дилеммой: либо способствовать поражению собственной страны в войне, чтобы добиться свержения гитлеризма, либо самим попытаться свергнуть фашистское правительство, чтобы заключить мир и предотвратить национальную катастрофу»⁸.

Что касается дискуссионного вопроса о «прозападной» (то есть «антисоветской») политической ориентации деятелей 20 июля 1944 г., отметим, что значительная часть немецких военных, участвовавших в заговоре против Гитлера (их наиболее известным представителем был граф Клаус Шенк фон Штауффенберг), в отличие от так называемого «штатского сектора» оппозиции, являлась сторонниками ориентации на Восток – заключения мира с СССР и возобновления взаимовыгодных германо-советских отношений. Сталинский режим они не считали препятствием для послевоенной Германии: ведь Веймарская республика успешно сотрудничала с СССР, в частности в военной сфере.

«Штатский сектор» организации, политическим лидером которого был Карл Фридрих Гёрделер, ориентировался на Англию⁹. Прозападную позицию Гёрделера разделяли президент рейхсбанка Ялмар Шахт, рейхскомиссар прусского министерства финансов Йоханнес Попиц и многие другие. Исключение составлял граф Шуленбург – последовательный сторонник сотрудничества с СССР. Его позицию по этому вопросу в основном разделяли деятели «Кружка Крейсау».

Один из участников «Кружка Крейсау» Теодор Штельцер в своих воспоминаниях так описывает внешнеполитические взгляды большинства членов этого кружка и их разногласия с Гёрделером: «Следующее разногласие касалось отношения к России. Мы в своем кружке придерживались того взгляда, что она принадлежит к Европе. При мирном урегулировании она должна была сказать свое веское слово, а отсюда проистекает необходимость сотрудничества с нею... Мы единодушно держались той точки зрения, что Россия должна являться неотъемлемым фактором будущего европейского порядка»¹⁰.

Эта позиция полностью отвечала взглядам графа Шуленбурга. В 1934-1941 гг. граф Шуленбург, будучи послом Германии в Москве, «лабирировал между Сциллой сталинской системы и Харибдой гитлеровской диктатуры»¹¹. Посол отстаивал интересы своей родины (так, как он их понимал) и способствовал германо-совет-

⁸ Комолова Н.П., Бровко Л.Н., Савина И.С. Идеи и программы Сопrotивления // Движение Сопrotивления в Западной Европе 1939-1945: Общие проблемы. М., 1990. С.72.

⁹ Однако британский премьер У. Черчилль, жаждавший уничтожить не только нацизм, но и так называемый «пруссский милитаризм», категорически отказался принимать послания немецкой оппозиции, заявив: «Я абсолютно против самых незначительных контактов». Ritter G. Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung. München, 1964. P. 551.

¹⁰ Steltzer Th. Sechzig Jahre Zeitgenosse. P. 154. Цит. по: Финклер К. Заговор 20 июля 1944 г.: Дело полковника Штауффенберга. М., 2004. С. 141.

¹¹ Фляйшхауэр И. Пакт: Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии, 1938-1939 гг. М., 1991. С. 48.

скому сближению, в частности экономическому сотрудничеству и подписанию договора о ненападении¹². «Шуленбург и его сотрудники немало сделали для того, чтобы ссылками на неизбежные в противном случае последствия укреплять советское правительство в его курсе на умиротворение», – отмечала немецкий историк И. Фляйшхауэр¹³.

До назначения в Москву карьерный дипломат Шуленбург слыл «бесцветным» чиновником, от которого не ждали самостоятельных политических инициатив. Именно поэтому его и направили в СССР: Гитлер намечал довести германо-советские отношения до самого низкого уровня и сохранять их «в замороженном виде» до тех пор, пока он не сможет развязать против СССР захватническую войну, после чего уже никаких дипломатических отношений не понадобится. Казалось, что прекрасно образованный¹⁴, консервативный по своим взглядам, многоопытный и осторожный, немолодой и почти готовый к выходу на пенсию аристократ будет для этого самой подходящей кандидатурой. Почетный пост посла Германии в России мог стать достойным завершением многолетней дипломатической службы. Из карьерных соображений Шуленбург 1 октября 1934 г. «по предписанию сверху» вступил в нацистскую партию, хотя и не разделял политических взглядов нацистов¹⁵.

Однако фюрер и рейхсканцлер Адольф Гитлер и рейхсминистр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп ошиблись в оценке Шуленбурга: «он оказался человеком, имевшим собственное мнение, которое, он, однако, слишком часто скрывал, когда речь шла о выполнении указаний министра иностранных дел»¹⁶.

Как знаток и ценитель России¹⁷, Шуленбург стремился сохранить заложенный в 1922 г. в Рапалло фундамент германо-советских отношений и, когда в 1939 г. возникла основа для их нормализации, способствовать их улучшению. Шуленбург делал все, что было в его силах, чтобы не допустить войны между Германией и СССР.

«В начале 1941 г. ...я находился в посольстве в Москве несколько дней. В беседах с Шуленбургом мы много говорили об отношении к России. Шуленбург и я являлись сторонниками политики дружбы по отношению к СССР и высказывали опасения для Германии, если эта политика изменится. Шуленбург, очевидно,

¹² Lexikon des Widerstandes 1933-1945 / Ed. Peter Steinbach, Johannes Tuchel. München, 1994. P. 166.

¹³ Фляйшхауэр И. Пакт. С. 359.

¹⁴ Шуленбург изучал юриспруденцию в университетах Лозанны, Берлина и Мюнхена, где в 1894 г. получил степень доктора права.

¹⁵ Auswärtiges Amt. Gedenkfeier für Botschafter Friedrich Werner von der Schulenburg. Bonn, 10. Dezember 1975. P. 7-8.

¹⁶ Кегель Г. В бурях нашего века. М., 1987. С. 154.

¹⁷ Род Шуленбургов был связан с Россией с конца XVIII в., когда Людвиг фон дер Шуленбург, сын графа Римской империи Генриха Морица фон дер Шуленбурга, поступил в русскую службу и дослужился до чина генерал-майора. Дворянский род Шуленбургов в России был высочайше утвержден в графском достоинстве в 1854 г. и записан в родословной книге Черниговской губернии.

знал о готовящемся нападении на СССР, потому что поручил мне использовать мои связи в Генштабе, доказать опасность для Германии изменения политики по отношению к СССР. Это поручение Шуленбурга я обещался выполнить», – рассказывал в августе 1945 г. генерал-майор Оскар фон Нидермайер¹⁸.

В апреле 1941 г. Шуленбург предпринял последнюю попытку убедить Берлин в мирных намерениях Москвы в отношении Германии, в невозможности одержать военную победу над СССР.

28 апреля 1941 г. посол сказал Гитлеру во время аудиенции, что он, Шуленбург, «не может поверить в то, что Россия когда-либо нападет на Германию». Гитлер завершил беседу: «И еще, граф Шуленбург, я не собираюсь воевать с Россией. К тому же немецкие послы всегда против войны со страной их пребывания»¹⁹.

Тем временем подготовка Германии к войне шла полным ходом: Шуленбург знал это от своих надежных друзей в Берлине. «Война – дело решенное... Гитлер намерено меня обманул», – сообщил посол своим доверенным сотрудникам, вернувшись 30 апреля 1941 г. в Москву²⁰.

Шуленбург считал для себя позором служить дипломатическим прикрытием подготовки гитлеровского нападения на СССР. Сотрудник германского посольства в Москве и советский разведчик Г. Кегель, лично знавший Шуленбурга, писал: «Убежден, что такой спокойный, уравновешенный, имевший собственные политические убеждения и моральные принципы человек, каким был Шуленбург, собиравшийся к тому же уходить на пенсию, воспринял все упомянутые обстоятельства как личное унижение, и это также подтолкнуло его на нелегкое решение стать на свой лад, несмотря на возраст, участником борьбы против Гитлера»²¹.

В мае 1941 г., когда нацистскую агрессию уже невозможно было предотвратить, посол трижды предупреждал советское руководство о том, что германское нападение на СССР должно начаться в ближайшее время.

5 мая 1941 г. Шуленбург пригласил на завтрак на свою подмосковную дачу в Астафьево советского полпреда в Германии В.Г. Деканозова²². В присутствии со-

¹⁸ Генералы и офицеры вермахта рассказывают...: Документы из следственных дел немецких военнопленных, 1944-1951 гг. М., 2009. С. 359-360.

¹⁹ Fleischhauer I. Diplomatischer Widerstand gegen «Unternehmen Barbarossa»: Die Friedensbemühungen der Deutschen Botschaft Moskau 1939-1941. Berlin – Frankfurt a.M., 1991. P. 309-310.

²⁰ Кегель Г. Указ. соч. С. 154.

²¹ Там же. С. 156.

²² В.Г. Деканозов (Деканозишвили) – с декабря 1938 г. заместитель начальника Главного управления государственной безопасности НКВД, начальник контрразведывательного и иностранного отделов НКВД. Один из главных организаторов «чисток» в органах разведки и контрразведки. С мая 1939 г. – заместитель наркома иностранных дел. В ноябре 1940 г. назначен полпредом в Германии (с сохранением поста замнаркома). После нападения Германии на СССР 22 июня 1941 г. был интернирован и на границе СССР и Турции обменян на германского посла в СССР графа Шуленбурга. 30 июня 1953 г. арестован. Расстрелян 23 декабря 1953 г. по приговору Верховного Суда СССР как один из членов «банды Берии».

ветника германского посольства Г. Хильгера²³ и советского переводчика В.Д. Павлова Шуленбург сообщил Деканозову, что «слухи о предстоящей войне Советского Союза с Германией являются "взрывчатым веществом" и их надо пресечь... Источник слухов не имеет значения. Со слухами нужно считаться как с фактом». На следующей встрече с Деканозовым, состоявшейся в наркомате иностранных дел 9 мая, Шуленбург подчеркнул, что «надо действовать быстро», так как «дело очень спешное». 12 мая состоялась третья беседа Шуленбурга с Деканозовым. В присутствии Хильгера германский посол дважды упомянул о том, что он «разговаривал в частном порядке и сделал свои предложения, не имея на то никаких полномочий». Более того, посол просил «не выдавать его в Берлине». У Деканозова даже сложилось впечатление, что «Шуленбург и Хильгер намекали на уход Шуленбурга с поля политической деятельности»²⁴.

Но «предостережение» Шуленбурга было проигнорировано Сталиным²⁵. Советский вождь не мог себе представить, что германский посол действовал на свой страх и риск. В Кремле восприняли слова Шуленбурга не как отчаянную попытку германского дипломата спасти мир, а как провокацию. «Сталин просто отмахнулся и от этого важного сообщения, посчитав его очередной немецкой дезинформацией», – вспоминал нарком внешней торговли А.И. Микоян, назвавший поступок Шуленбурга «беспрецедентным в истории дипломатии»²⁶.

22 июня 1941 г. в 5 час. 30 мин. утра по московскому времени Шуленбург передал наркому иностранных дел В.М. Молотову ноту германского правительства. На вопрос Молотова, что эта нота означает, посол ответил, что, по его мнению, это начало войны. Шуленбург сказал, что «он в течение 6 лет добивался дружественных отношений между СССР и Германией, но против судьбы ничего не может поделать»²⁷.

После эвакуации немецкого посольства из Москвы в 1941 г. Шуленбург формально был руководителем «русского» (13-го политического) отдела и председателем «русской коллегии» министерства иностранных дел. Ни реальных полномочий, ни политического влияния Шуленбург на этих постах не имел: с началом войны Россией занимались не дипломаты, а военные. Оккупированные вермахтом территории СССР находились в ведении имперского министерства по делам оккупированных восточных территорий Альфреда Розенберга.

²³ Г. Хильгер описал эту беседу в воспоминаниях: Hilger G. Wir und der Kreml: Deutsch-sowjetische Beziehungen 1918-1941. Erinnerungen eines deutschen Diplomaten. Frankfurt a. M., 1959. P. 308.

²⁴ Документы внешней политики СССР. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 2. М., 1998. С. 654-657, 664-667, 675-677.

²⁵ Ueberschär G., Bezymenskij L. Der deutsche Angriff auf die Sowjetunion 1941. Darmstadt, 1988, P. 135; Бонвеч Б., Кудряшов С. Советский Союз, Сталин и Германия в 1933-1941 гг. // Вестник архива Президента Российской Федерации. СССР – Германия, 1933-1941 гг. М., 2009. С. 40.

²⁶ Куманев Г.А. Говорят сталинские наркомы. Смоленск, 2005. С. 50.

²⁷ Запись из дневника В. Молотова о приеме фон Шуленбурга 22 июня 1941 г. // Вестник архива Президента Российской Федерации. СССР – Германия 1933-1941. С. 341-342.

После поражения группы армий «Центр» под Москвой зимой 1941-1942 гг. и полного провала «блицкрига» Шуленбург направил Гитлеру записку с предложением начать сепаратные переговоры с СССР. Ответа не последовало. Тогда Шуленбург стал искать иные пути к миру: с 1942 г. он стал контактировать с деятелями антигитлеровской оппозиции²⁸.

В декабре 1942 г. Шуленбург и советник германского министерства иностранных дел Адам фон Тротт цу Зольц встретились с сотрудником бюро Риббентропа Бруно Петером Клейстом, который должен был установить связь с советским посольством в Стокгольме, чтобы прозондировать возможность мирных переговоров с Кремлем²⁹.

Однако ни эта, ни последующие попытки германской антигитлеровской оппозиции по каналам Риббентропа (и возможно – абвера) связаться с Москвой через Стокгольм успехом не увенчались. Как отмечал советник советского посольства в Швеции в 1942-1945 гг. В.С. Семенов, «не исключено, что отдельные немецкие представители, настроенные против гитлеровского режима, на самом деле искали контакт с советской миссией и при этом искренне хотели способствовать скорейшему окончанию войны. Но должно быть ясно, что руководящие круги Германии, которые уже однажды вероломно обманули Сталина, не могли надеяться на то, что они быстро вернут его доверие. Поэтому каждая попытка в этом направлении могла быть воспринята лишь как провокация, преследующая скрытую цель внести недоверие в ряды Антигитлеровской коалиции»³⁰.

Последнюю из этих попыток Тротт цу Зольц предпринял в июне 1944 г. Он хотел встретиться с советским послом в Швеции Александрой Коллонтай, чтобы «облегчить контакт Шуленбург-Москва»³¹. Реакция Москвы была скорой и категоричной: «Не следует больше обращать внимание на анонимные письма, которые немецкие провокаторы подбрасывают время от времени. Если советская миссия их и дальше будет принимать, это вызовет нежелательные слухи», – гласила шифровка Молотова, направленная 22 июня 1944 г. в Стокгольм³².

Но есть и другое объяснение неудач контактов германских противников Гитлера с Советским Союзом. Представитель Риббентропа в ставке Гитлера Франц фон Зоннлейтнер считал, что дело было в позиции самого Шуленбурга. По мне-

²⁸ «План противников Гитлера использовать Шуленбурга для контактов с Советским Союзом возник в конце декабря 1942 года». Кегель Г. Указ. соч. С. 156.

²⁹ Kleist В.Р. Zwischen Stalin und Hitler. Bonn, 1950; Риббентроп И. фон. Между Лондоном и Москвой. Воспоминания и последние записи. М., 1996. С. 198-199; Martin В. Deutsch-sowjetische Sondierungen über einen separaten Friedensschluß im Zweiten Weltkrieg. Bericht und Dokumentation // Felder und Vorfelder russischer Geschichte / Ed. Inge Auerbach. Freiburg, 1985. P. 284; Wuermeling Н. «Doppelspiel»: Adam von Trott zu Solz im Widerstand gegen Hitler. München, 2004. P. 168-169.

³⁰ Semjonow W.S. Von Stalin bis Gorbatschow: Ein halbes Jahrhundert in diplomatischer Mission 1939-1991. Berlin, 1995. P. 149.

³¹ Финклер К. Заговор 20 июля 1944 г. С. 143; Fleischhauer I. Die Chancen des Sonderfriedens: Deutsch-sowjetische Geheimgespräche 1941-1945. Berlin, 1986.

³² Semjonow W.S. Op. cit. P. 146.

нию Зоннлейтнера, бывший германский посол в Москве не доверял антигитлеровской оппозиции, считая, что она намерена вести с Россией нечестную игру, в которой он, Шуленбург, будет всего лишь пешкой. Шуленбург «выступал за срединное положение Германии между Востоком и Западом и не собирался водить за нос Сталина»³³.

Шуленбург действительно не хотел вводить советское руководство в заблуждение относительно намерений рейха: ведь он в 1941 г. невольно послужил дипломатическим прикрытием подготовки гитлеровской агрессии против Советского Союза. Однако речь теперь шла не о политике Гитлера, безусловным противником которой Шуленбург стал после нападения Германии на СССР, а о заключении мира с Россией новым германским правительством, которое должно было прийти к власти в результате государственного переворота и уничтожения Гитлера. Если бы Шуленбург не доверял антигитлеровской оппозиции, как утверждал Зоннлейтнер, он никогда бы не пошел на контакт с ней, тем более не согласился бы войти в новое германское правительство.

С 1943 г. Шуленбург (наряду с фон Хасселем и фон Вайцзеккером) рассматривался в качестве кандидата на пост министра иностранных дел в правительстве рейхсканцлера Гёрделера, которое должно было быть сформировано после устранения нацистского диктатора и ликвидации наиболее одиозных личностей и структур национал-социализма. Причем Гёрделер, несмотря на свою «прозападную» ориентацию, поддерживал кандидатуру Шуленбурга³⁴.

В отношении стран Антигитлеровской коалиции новое германское правительство предполагало немедленное заключение перемирия на всех фронтах и начало мирных переговоров. Особую роль в переговорах с СССР должен был сыграть Шуленбург, которого лично хорошо знали в Москве. Свою основную задачу в новом послегитлеровском правительстве Шуленбург видел в скорейшем прекращении войны, восстановлении и развитии отношений с СССР. При этом Шуленбург отнюдь не симпатизировал большевикам: однако старый дипломат хорошо понимал, что война против Советского Союза, который обладал огромным людским и военным потенциалом и гигантской территорией, будет стоить Германии очень дорого и может обернуться для нее национальной катастрофой. Шуленбург хорошо помнил предостережение «железного канцлера» Отто фон Бисмарка: двумя самыми большими ошибками внешней политики Германии могут стать война на два фронта и война с Россией.

Приверженцами политики Бисмарка, выступавшего против войны с Россией, были многие профессиональные германские дипломаты. Не случайно, что в их рядах в последствии оказались и некоторые участники заговора 20 июля 1944 г.³⁵

³³ Hoffmann P. Widerstand. Staatsstreich. Attentat: Der Kampf der Opposition gegen Hitler. München, 1979. P. 310.

³⁴ Der 20. Juli 1944: Bewertung und Rezeption des deutschen Widerstandes gegen das NS-Regime / Ed. Gerd R. Ueberschär. Köln, 1994. P. 140.

³⁵ Предисловие Л.А. Безыменского // Фляйшхауэр И. Пакт. С. 16.

Заговорщики, как военные, так и штатские, несмотря на разногласия, сходились в том, что после устранения Гитлера необходимо: немедленно заключить компромиссный мир; отвести германские войска на территорию рейха; образовать временное германское правительство; разъяснить немцам преступную роль Гитлера и его клики; провести всеобщие демократические выборы в рейхстаг, после чего определять основные формы управления страной и направления политики.

Главной движущей силой государственного переворота были военные. С некоторыми из них, «наиболее известными знатоками России», в дальнейшем связанными с заговорщиками, Шуленбург познакомился еще в германском посольстве в Москве. По показаниям участника антигитлеровской оппозиции майора Иоахима Куна, данным в 1944 г. в советском плену, это были: военный атташе, глава московской резидентуры абвера генерал кавалерии Эрнст Кёстринг и советник посольства ротмистр Ханс Герварт фон Биттенфельд. Герварт был личным референтом, а его жена – секретарем Шуленбурга. Во время войны Герварт стал адъютантом Кёстринга, который в 1944 г. служил генерал-инспектором «добровольческих восточных формирований». Герварт, друживший с Куном, был тесно связан как с Кёстрингом, так и с Шуленбургом³⁶. Таким образом, Шуленбург оказался косвенно вовлеченным в проект создания так называемого «русского освободительного движения» на стороне Германии.

В вермахте действовало как минимум три группы заговорщиков – в основном офицеров Генерального штаба. В силу своего служебного положения офицеры Генштаба лучше других были осведомлены о реальном положении дел и понимали, что Гитлер ведет Германию и её вооруженные силы к неминуемой катастрофе. Следовательно, единственный способ спасти страну и армию – это уничтожить Гитлера.

Заговорщики были в Генштабе Верховного командования сухопутных сил в Цоссене (генералы Вагнер и Линдеман), в штабе командующего армии резерва на Бендлештрассе в Берлине (генерал Ольбрихт³⁷, полковник граф Штауффенберг), в штабе группы армий «Центр» на Восточном фронте в Смоленске (генерал фон Тресков, подполковник граф Харденберг³⁸).

³⁶ Кёстринг «резко осуждал положение, сложившееся в Германии... утверждал, что отсутствие ясных политических целей неизбежно приводит добровольческие формирования к разложению и его работа, таким образом, теряет всякий смысл». Калганов А.М., Хавкин Б.Л. Новый источник по истории заговора против Гитлера 20 июля 1944 г. Собственноручные показания военнопленного майора вермахта Иоахима Куна от 2 сентября 1944 г. // Новая и новейшая история. 2002. № 3. С. 176-177.

³⁷ Генерал от инфантерии Фридрих Ольбрихт – начальник Управления резерва Верховного командования вермахта. Один из руководителей заговора против Гитлера и разработчиков плана государственного переворота. 20 июля 1944 г. расстрелян во дворе штаба ОКХ в Берлине.

³⁸ Граф Карл-Ханс фон Харденберг. Одна из судеб немецкого Сопротивления. М., 2007.

Офицеры штаба группы армий «Центр» организовали ряд покушений на нацистского диктатора. 13 марта 1943 г. в личный самолет Гитлера, на котором диктатор прибыл на оперативное совещание в штаб группы армий «Центр» в Смоленск и должен был через несколько часов вернуться в Берлин, генералом фон Тресковом была подложена взрывчатка замедленного действия, замаскированная под две бутылки коньяка. Один из сопровождавших фюрера офицеров согласился захватить эти бутылки в Берлин и передать их в подарок генералу Ольбрихту. Но взрывной механизм не сработал...

21 марта 1943 г. офицер штаба группы армий «Центр» Рудольф-Кристоф фон Герсдорф должен был взорвать себя вместе с Гитлером во время посещения последним выставки трофейного советского оружия, которую группа армий «Центр» устроила в берлинском цейхгаузе. Но взрывной механизм в кармане шинели Герсдорфа был установлен на 10 минут, а Гитлер провел на выставке всего лишь 2 минуты. Герсдорф едва успел скрыться в туалете, чтобы извлечь взрыватель из адской машины...

Покушения срывались одно за другим. Тогда в конце августа 1943 г. фон Тресков по рекомендации генерала Ольбрихта посетил Шуленбурга в его берлинской квартире. Во время дружеской беседы Тресков описал Шуленбургу критическое для вермахта положение, сложившееся на Восточном фронте, и от имени действующих в армии противников Гитлера изложил план скорейшего заключения компромиссного мира с Советским Союзом. По мнению Трескова, это был единственный шанс избежать тотального поражения Германии.

В выполнении плана решающая роль отводилась Шуленбургу: он должен был лично установить контакт с советским правительством для разъяснения целей антигитлеровской оппозиции. С помощью Трескова и других офицеров штаба группы армий «Центр», которые должны были установить радиосвязь с противником и согласовать с ним все параметры операции, намечалось переправить Шуленбурга через линию фронта для политических переговоров с советской стороной.

Шуленбург согласился на это рискованное предприятие при условии его одобрения Гёрделером. В начале сентября 1943 г. Тресков встретился с Гёрделером и подробно изложил ему содержание беседы с Шуленбургом. Гёрделер воспринял план Трескова довольно прохладно: он все еще надеялся достичь договоренности с Западом. Однако отказ Гёрделера от плана Трескова не был жестом недоверия к Шуленбургу: в дальнейшем Гёрделер, как уже упоминалось, включил Шуленбурга в состав своего правительства в качестве кандидата на пост министра иностранных дел, так как «граф Шуленбург и сегодня надеется достичь договоренности со Сталиным»³⁹.

³⁹ Venohr W. Stauffenberg: Symbol der deutschen Einheit. Frankfurt a.M., Berlin, 1990. P. 208-210, 349.

В донесениях начальника Главного управления имперской безопасности Эрнста Кальтенбруннера (обобщающих показания, выбитые из заговорщиков после их ареста) говорится: «Осенью 1943 г. Гёрделер и Тресков беседовали о возможности перебросить бывшего посла графа фон дер Шуленбурга через линию Восточного фронта. Идея, которую отстаивал Тресков, была примерно такова: Шуленбург – один из немногих немцев, лично знающих Сталина, а потому должен вновь установить с ним контакт. Если Шуленбург придет со Сталиным к положительному результату, следует осуществить в Германии военную акцию [по свержению гитлеровского режима]. Имело значение то обстоятельство, что Шуленбург всегда отговаривал от войны против Советского Союза. Подобный план заключения мира, вне всякого сомнения, излагался Тресковым»⁴⁰.

За несколько дней до рокового 20 июля 1944 г. Шуленбурга неожиданно вызвали к Гитлеру. Об этом сообщает в своем дневнике княжна Мария Васильчикова, работавшая в министерстве иностранных дел Германии и тесно связанная с заговорщиками: «Среда, 12 июля. Граф Шуленбург вернулся из Зальцбурга, куда его вызывал Риббентроп. Ему предписано отправиться с докладом в ставку Гитлера в Восточной Пруссии. Наконец-то понадобился его квалифицированный совет. Немного поздно, но ходят слухи, что готовится какая-то сепаратная сделка на Востоке. [*Только теперь, три года спустя после его возвращения из Москвы, Гитлер ощутил впервые потребность принять Шуленбурга*]»⁴¹.

Совет Шуленбурга – заключить мир на Востоке – в очередной раз был проигнорирован.

Накануне событий 20 июля 1944 г. среди заговорщиков царило единодушное мнение, что после устранения Гитлера надо немедленно провести переговоры как с западными державами, так и с СССР. В донесениях Кальтенбруннера говорится о последнем совещании заговорщиков в воскресенье 16 июля 1944 г.: «Фон Тротт отстаивал точку зрения, что вражеская сторона будет готова пойти на переговоры, если предпосылкой их послужит полная смена режима. В последовавшей дискуссии высказывалось мнение, что переговоры должны вестись военными с военными, причем не только с врагами на Западе, но и с Советами. Шуленбург-старший (Фридрих Вернер фон дер Шуленбург – Б.Х.) и бывший военный атташе в Москве (генерал Кестринг – Б.Х.) должны были включиться в переговоры в качестве знатоков дела. Что касается переговоров с англо-американской стороной, то их хотел вести Тротт. Кандидатуру более влиятельного германского политика, которого можно было бы использовать в отношении Запада, заговорщикам подыскать не удалось»⁴².

⁴⁰ Kaltenbrunner-Berichte. P. 308, 492-495. Цит. по: Финклер К. Заговор 20 июля 1944 г.: Дело полковника Штауффенберга. М., 2004. С. 173.

⁴¹ Васильчикова М.И. Берлинский дневник 1940-1945. М., 1994. С. 198.

⁴² Kaltenbrunner-Berichte. P. 201; Venohr W. Op. cit. P. 364.

20 июля 1944 г. произошло покушение на Гитлера: бомба Штауффенберга взорвалась, но Гитлер чудом уцелел. Государственный переворот провалился.

21 июля 1944 г. рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер создал «Особую следственную комиссию» во главе с шефом гестапо Генрихом Мюллером. Около 400 сотрудников гестапо и СД искали участников заговора. Поначалу были арестованы всего около десятка человек, захваченных в военном министерстве на Бендлерштрассе. Через несколько дней, когда гестаповцам удалось обнаружить списки заговорщиков, начались массовые аресты. Однако даже тогда многие руководители антигитлеровской оппозиции сумели избежать ареста.

Но тут как гром среди ясного неба прозвучал голос из Лондона. Княжна Мария Васильчикова 8 августа 1944 г. в ужасе записала в своем дневнике: «Радио союзников делает невесть что: они называют имена людей, которые, как они утверждают, участвовали в заговоре. А между тем многие из них пока официально к заговорщикам не причислены»⁴³.

Глава диверсионной службы СД Отто Скорцени, участвовавший в подавлении мятежа, в своих воспоминаниях отмечал, что английское радио Би-Би-Си сообщало о группах заговорщиков, которые пытались установить связь с правительствами стран антигитлеровской коалиции⁴⁴. Наряду с Фридрихом Вернером Шуленбургом назывались Карл Гёрделер, Адам фон Тротт цу Зольц и другие имена.

Шуленбург был арестован и обвинен в государственной измене. На суде он все отрицал: «Я ничего не знал о заговоре. Я не знал всех этих людей из армии. Ничего, совсем ничего». В то же время он признал, что заговорщики ценили его как эксперта по России: «Я слыл человеком, которого до последнего момента примечали в Москве, который лучше всех знает Россию... Я просто пришел туда, где мне сказали: послушайте, может быть, и вы будете полезны военным... Я всегда мог говорить только о Востоке»⁴⁵.

23 октября 1944 г. председатель «Народной судебной палаты» Роланд Фрейслер («наш Вышинский», как его называл Гитлер⁴⁶) вынес приговор: «Вы, Шуленбург, участвовали в подготовительных совещаниях предателей 20 июля. Тем самым вы – и всегда бесчестно – оказывали помощь нашим врагам, с которыми мы ведем войну. Именем немецкого народа вы приговариваетесь к смерти»⁴⁷.

10 ноября 1944 г. граф Фридрих Вернер фон дер Шуленбург был повешен в берлинской тюрьме Плетцензее.

⁴³ Васильчикова М.И. Указ. соч. С. 230.

⁴⁴ Скорцени О. Секретные задания РСХА // Короли диверсий. М., 1997. С. 117.

⁴⁵ Deutsches Rundfunkarchiv. Ffm B004627584.

⁴⁶ Фрейслер – «отвратительный злобный маньяк, который, оказавшись в Первую мировую войну в русском плену, стал фанатичным большевиком, а позднее, вступив в 1924 г. в нацистскую партию, таким же фанатичным нацистом. При этом он остался горячим поклонником советского террора. Он специально изучал приемы Андрея Вышинского, главного прокурора на московских процессах тридцатых годов». Ширер У. Взлет и падение третьего рейха. Т. 2. М., 1991. С. 463.

⁴⁷ Deutsches Rundfunkarchiv. Ffm 2894949/20.

В январе 1946 г. бывший советник германского посольства в Москве Готхольд Штарке в данных на Лубянке «собственноручных показаниях» рассказал о последнем послании графа Шуленбурга: «13 или 14 августа 1944 года, точную дату я сейчас не помню, Шуленбург вызвал меня к себе и объявил, что в связи с событиями 20 июля он ежеминутно ожидает ареста... Перед арестом он желает мне сообщить, что он верен своей политике "ориентации на Восток" и пытался убедить своих товарищей по заговору в правильности своей политической линии. Более того, он объявил им о своей готовности перейти с белым флагом в руках через линию фронта и вымолить у русских условия перемирия, сделав, таким образом, последний шаг к спасению германского народа. Затем Шуленбург обратился ко мне с просьбой в случае его казни, и если я сам останусь в живых, передать после окончания войны, которая, вероятно, завершится капитуляцией Германии, народному комиссару иностранных дел Советского Союза господину Молотову свое последнее послание. Шуленбург заявил мне тогда буквально следующее: "Сообщите господину Молотову, что я умер за дело, которому я посвятил свою жизнь в Москве, то есть за советско-германское сотрудничество... Передайте господину Молотову, что в трагический утренний час 22 июня 1941 года я был уверен в том, что надежды германского правительства обеспечить себе и германскому народу руководящую роль по отношению к европейским нациям и объединенным народам Советского Союза обречены на провал. Факт моей смерти за дело сотрудничества советского и германского народов даст мне все же право обратиться к руководству советской внешней политики с мольбой, чтобы оно мудро и терпимо отнеслось к германскому народу, так как его широчайшие слои, и не в последнюю очередь интеллигенция, осуждали безумие войны против Советского Союза"»⁴⁸. Таково было политическое завещание графа Шуленбурга.

⁴⁸ Центральный архив ФСБ России, д. Р-49170, л. 26-28; Калганов А.М. Покушение на Гитлера 20 июля 1944 г. // Тайные страницы истории. М., 2000. С. 319-320.